

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС К ПУШКИНУ¹: МАЛЕНЬКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Легенда об отравлении Моцарта — в ранней версии какими-то безымянными венскими итальянцами², а в поздней — завистником Сальери — возникла не на пустом месте. Еще до нее в Европе получило хождение несколько сходных исторических анекдотов о гибели известного художника или музыканта, отравленного завистниками, причем все они имели итальянский колорит. Это не удивительно, так как до конца XVIII в. изготовление и применение ядов ассоциировались главным образом с итальянцами. Многочисленные отравления, в которых обвиняли папу Александра VI, его сына Цезаря Борджиа и других жестоких итальянских властителей эпохи Ренессанса, проverbsальные отравители и отравительницы — в первую очередь пресловутая Джулия Тоффана, якобы изобретшая так называемую «акву тоффана» (или иначе «итальянский яд») и отправившая на тот свет более 600 человек, или Джованна Бонана, повешенная в 1789 г., — способствовали формированию особого стереотипа итальянца, всегда имеющего наготове смертоносное зелье. Этот стереотип отразился у Шекспира — не только в «Ромео и Джульетте», но и в «Цимбелине», где сказано, что у коварных итальянцев «столько же яду на языке, сколько в руке» (акт III, сц. 2), в готическом романе Анны Радклифф «Итальянец» («The Italian, or the Confessional of the Black Penitents», 1797), где демонический злодей Скедони в финале убивает сильно действующим ядом своего главного врага и самого себя, в романе мадам де Сталь «Дельфина» («Delphine», 1802), где

¹ См. в книге Б. А. Каца «Одиннадцать вопросов к Пушкину. Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия» (СПб., 2008) главу «Вопрос 4. Как Моцарт и Сальери оказались за трагичным столом? О неучтенном источнике „Моцарта и Сальери“» (С. 54–63).

² По воспоминаниям немецкого музыкального критика Георга Людвига Петера Зиверса (Georg Ludwig Peter Sievers, 1775–1830), вскоре после получения известия о смерти Моцарта он, тогда шестнадцатилетний юноша, в разговоре со своим учителем музыки, брауншвейгским капельмейстером Иоганном Готфридом Шваненбергом (Johann Gottfried Schwanenberg, 1740–1804), упомянул слух, будто бы «Моцарт пал жертвой венских итальянцев». На это Шваненберг ответил: «Глупости, он ничего не сделал такого, чтобы заслужить подобную честь» (Allgemeine musikalische Zeitung. Bd. 21. 1819. № 8. Col. 120; англ. пер.: Eisen C. New Mozart Documents. A Supplement to O. E. Deutsch's Documentary Biography. Stanford, 1991. P. 71). В комментариях М. П. Алексеева к «Моцарту и Сальери» рассказ Зиверса передан неверно (см.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VII: Драматические произведения. Л., 1935. С. 527).

герой-итальянец, как пушкинский Сальери, много лет не расстается с ядом после смерти возлюбленной³. Ф. К. Нимечек в своей биографии Моцарта сравнил с «итальянским ядом» острую зависть недругов композитора к успеху его «Похищения из серала» («*Der Neid ergrawachte nun mit der ganzen Schärfe des italienischen Giftes!*»⁴), чем, видимо, немало способствовал возникновению легенды об отравлении.

Отравление из зависти к гению — это одна из разновидностей «итальянского сюжета». Во французском «Словаре изобразительных искусств» А. Л. Миллена, главном справочном издании начала XIX в., есть статья «Зависть», где все примеры убийств талантливых художников, совершенных завистниками, взяты из истории итальянского искусства⁵. Как считала мадам де Сталь, подобные случаи характерны именно для Италии по той причине, что итальянцы особенно страстно относятся к искусству и к художественно одаренным людям. «Талант возбуждает в Италии сильную зависть уже потому, что он занимает здесь первое место, — говорит героиня ее романа «Коринна», итальянская поэтесса. — Перголези был убит из-за своей «Stabat»; Джорджоне облакался в кирасу всякий раз, когда бывал вынужден рисовать на глазах у толпы; одним словом, зависть, которую в других странах порождает власть, у нас вызывает талант; подобного рода зависть не принижает художника; она может его ненавидеть, гнать, убивать, и все же, охваченная фанатическим восторгом, зависть и преследуя гения, побуждает его ко все большему совершенствованию»⁶.

В биографиях Джованни Баттисты Перголези обычно указывалось, что завистники освистали его на премьере оперы «Олимпиада» и бро-

³ Оба романа были в библиотеке Пушкина. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. IX/X. С. 317, № 1298; С. 341, № 1406. Далее: Библиотека Пушкина.

⁴ Niemetschek F. X. *Leben des K. K. Kapellmeisters Wolfgang Gottlieb Mozart, nach Originalquellen beschrieben*. Prag, 1798. S. 22.

⁵ Millin A. L. *Dictionnaire des beaux-arts*. Paris, 1806. Т. II. P. 107.

⁶ Де Сталь Ж. *Коринна, или Италия* / Изд. подгот. М. Н. Черневич. М., 1969. С. 102. В связи с «Моцартом и Сальери» на это место «Коринны» указал Н. О. Лернер (Трагедия зависти. О «Моцарте и Сальери» Пушкина. Пг., 1921 (отдельный оттиск из журнала «Жизнь искусств»). С. 10; «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени. Антология трактовок и концепций от Белинского до наших дней. М., 1997. С. 128). Ср. в оригинале: «Le talent, par cela même qu'il tient ici le premier rang, excite beaucoup d'envie. Pergolèse a été assassiné pour son Stabat, Giorgione s'armit d'une cuirasse quand il étoit obligé de peindre dans un lieu public; mais la jalousie violente qu'inspire le talent parmi nous est celle que fait naître ailleurs la puissance; cette jalousie ne dégrade point son objet, cette jalousie peut haïr, proscrire, tuer; et néanmoins toujours mêlée au fanatisme de l'admiration, elle excite encore le génie, tout en le persécutant» (*Oeuvres complètes de Mme de Staël*. Paris, 1820. Т. VIII: *Corinne*. P. 214; Библиотека Пушкина: 341, № 1406 [том разрезан весь]).

силы ему в голову апельсин, когда он сидел за клавином⁷. Что же касается слуха о том, что после успеха секвенции «Stabat mater» Перголези отравили, то он был опровергнут уже в середине XVIII в., но, как свидетельствует цитата из «Коринны», надолго задержался в памяти культуры. Еще большей известностью пользовались два других случая «итальянских отравлений» из зависти к таланту, жертвами которых пали прославленный художник Мазаччо (Masaccio, 1401–1428) и некогда знаменитый, а ныне забытый композитор Леонардо Винчи (Leonardo Vinci, 1690–1730).

О гибели первого из них Пушкин, мало интересовавшийся историей живописи, вполне возможно, ничего не знал⁸, но об отравлении второго почти наверняка читал. В превосходной работе о неучтенном источнике «Моцарта и Сальери» (см. примеч. 1) Б. А. Кац весьма убедительно показал, что Пушкин отталкивался, среди прочего, от сатирической поэмы Мармонтеля «Полигимния», посвященной соперничеству Глюка с Пиччини. По предположению Б. А. Каца, он не только нашел в поэме (и в предисловии к ней) сведения об ожесточенной музыкальной войне двух композиторов, отразившиеся в соответствующих стихах пьесы («Нет, никогда я зависти не знал, / О, никогда! — ниже, когда Пиччини / Пленить умел слух диких парижан, / Ниже, когда услышал в первый раз / Я Ифигении начальны звуки»), но и позаимствовал у Мармонтеля центральную драматическую ситуацию — совместную трапезу музыкантов-соперников, один из которых (зловредный Глюк) завидует успехам другого (простодушного и кроткого Пиччини). Правда, в «Полигимнии» дело кончается не смертоубийством, а попойкой и примирением, но Мармонтель напоминает читателям и о некоторых других случаях музыкальной зависти, имевших значительно более серьезные последствия.

Третью песнь поэмы открывает рассказ о печальной судьбе Леонардо Винчи, по Мармонтелю, верного служителя музы Полигимнии, талантливейшего молодого композитора, чьи поразительные успехи ли-

⁷ [Michaud L. G.] Biographie universelle, ancienne et moderne... rédigé par une société de gens de lettres et de savants. Paris, 1823. Т. XXXIII: PARM—PF. P. 357.

⁸ Самое близкое по времени к написанию «Моцарта и Сальери» упоминание об отравлении Мазаччо, которое в принципе мог бы прочитать Пушкин, встречается в статье Эжена Делакруа «Рафаэль», напечатанной в 1829 г. в журнале «Revue de Paris»: «Le douceur de ses moeurs et un vie presque ignorée ne purent trouver grâce aux yeux de l'envie. Le poison trancha ses jours, et il expira au milieu de ses chefs-d'oeuvres, à un âge où d'autres s'essaient encore» (Т. XI. 1829. P. 146; букв. пер.: «Кротость его нрава и почти незаметное существование не смогли заслужить ему пощадку в глазах зависти. Яд прервал его жизнь, и он скончался среди своих шедевров в возрасте, когда другие еще только пробуют свои силы»). Как указал Б. В. Томашевский, Пушкин следил за этим популярным журналом (Томашевский Б. В. Французские дела 1830–1831 гг. // Пушкин А. С. Письма к Е. М. Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. С. 349).

шают покоя персонифицированную Зависть. Когда все ее попытки помешать триумфу гения интригами и клеветой оканчиваются неудачей, она обращается за помощью к злому ангелу смерти, который всегда рад удружить завистникам и ревнивцам. «Нет ничего проще, чем маленькое убийство, отравление», — отвечает тот и берется за дело:

Le même soir, au milieu d'un soupé,
 D'un trait subtil le jeune homme est frappé.
 Un poison lent dans ses veines s'allume.
 Pâle et mourant, il languit desséché,
 Comme un pavot sur sa tige penché,
 Quand du Midi la chaleur le consume;
 Et de sa muse adorateur constant,
 Comme le cygne il expire en chantant.
 A ce récit, la muse désolée,
 Laissant tomber la lyre de sa main,
 Les yeux en pleurs, la tête échevelée,
 Part, vole, arrive. O spectacle inhumain!
 Son jeune amant sans couleur et sans vie!
 «Il a péri victime de l'envie!»
 S'écria-t-elle en accusant les dieux,
 Et ce cri même était mélodieux⁹.

⁹ Oeuvres de Marmontel. Paris, 1820. T. 7, Ire partie. P. 793–794. Существует и другая, сокращенная редакция этого места, где мотив отравления существенно ослаблен. Она была напечатана в первом отдельном издании поэмы (Marmontel. Polympnie. Paris, 1818) и в томе посмертно опубликованных сочинений Мармонтеля, который сохранился в библиотеке Пушкина (Oeuvres posthumes de Marmontel. Paris, 1820; Библиотека Пушкина: 282–283, № 1137). Однако, как отметил Б. А. Кац, в принадлежавшем Пушкину экземпляре разрезаны лишь те страницы, на которых напечатано предисловие к «Полигимнии» (Кац Б. А. Одиннадцать вопросов к Пушкину. С. 57), что заставляет предположить его знакомство с поэмой или, скорее, с ее фрагментами по другим источникам. Кроме цитируемого нами издания, первые четыре песни поэмы в той же полной редакции были напечатаны в прижизненном собрании сочинений Мармонтеля (Marmontel. Oeuvres complète. Paris, 1787. T. 14. P. 387–420). Сцену ужина Глюка и Пиччини, которую разбирает Б. А. Кац, Пушкин мог прочитать в журнале «Décade philosophique, littéraire et politique» (Т. VIII. An IV (1796). № 64. P. 235–238), в старом «Альманахе муз» (Marmontel. Souper de Gluck et Piccini. Fragment d'un poème sur la musique // Almanach des muses pour l'an V de la république française. Paris, 1797. P. 93–95) и в примечаниях Женгене к его биографии Пиччини (Ginguené P. L. Notice sur la vie et les ouvrages de Nicolas Piccini. Paris, an IX (1800). P. 122–123). «Décade philosophique» поместил еще два отрывка из «Полигимнии» (Т. V. An III. № 42. P. 551–554; Т. VII. An IV. № 55. P. 231–235), частично перепечатанные в «Альманахе муз» (Marmontel. De l'Abbé Trigaud, de sa doctrine, de Gluck et de Piccini. Fragment d'un poème sur la musique // Almanach des muses pour l'an V de la république française. P. 31–35; Marmontel. Fragment d'un poème sur la musique // Almanach des muses pour 1806. Paris, 1806. P. 117–119); пять фрагментов вошли в письма Лагарпа великому князю Павлу Петровичу и графу Шувалову, выдержавшие несколько изданий (La Harpe J.-F. Correspondance littéraire, adressée à son altesse

[букв. пер.: В тот же вечер, посреди ужина / Один легкий удар сражает юношу. / Медленный яд разжигается в его жилах. / Бледный, умирающий, он чахнет обессиленный, / Как цветок мака на склоненном стебле. / Когда его сжигает полуденный жар; / И верный обожатель своей музы, / Он умирает, подобно лебедю, не прекращая пения. // Услышав эту новость, опечаленная муза, / Роняя лиру из рук, / С глазами полными слез, с растрепанными волосами, / Пускается в путь, мчится, прибегает. О жуткое зрелище! / Ее молодой возлюбленный [лежит] без кровинки в лице и бездыханный! / «Он пал жертвой зависти!», — / кричит она, обвиняя богов, / И даже этот крик звучит мелодично].

Сопоставляя веселый ужин Глюка и Пиччини у Мармонтеля с роковым обедом Моцарта и Сальери у Пушкина, Б. А. Кац приходит к заключению, что мы имеем дело с переакцентировкой материала источника: «Материал комедийной, почти шутовской поэмы Мармонтеля... под пером Пушкина возвышается до трагедии»¹⁰. Этот безусловно верный вывод все же нуждается в уточнении, потому что возможность подобной переакцентировки задана самой «Полигимнией», где убийство из зависти талантливого композитора представляет собой трагическую параллель к комической развязке сюжета музыкального соперничества. Хотя Мармонтель изображает гибель Винчи в условно-аллегорическом ключе и обстоятельства убийства, как и имя убийцы, остаются неизвестным, эпизод поэмы кажется грубым эскизом пушкинской сцены в трактире Золотого Льва: отравление, мотивом которого является зависть, происходит во время ужина, и музыкант с ядом в крови перед смертью исполняет свою лебединую песнь, как Моцарт — свой Реквием. Скорее всего, Пушкин усадил Моцарта и Сальери за стол и заставил их пить вместе, памятуя не только об ужине Глюка и Пиччини, но и о гибели Леонардо Винчи.

impériale Mer le Grand-Duc, aujourd'hui Empereur de Prussie, et à M. le Comte André Schowalow... Second édition. Paris, An XII (1804). Т. II. P. 162–166, 171, 402–404, 405–411; Т. III. P. 56–60). О запутанной истории печатного текста «Полигимнии» подробнее см. в современном комментированном издании поэмы: Kaplan J. M. Marmontel et Polymnie. Oxford, 1984 (Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. Vol. 229). P. 47–54; автор не учел публикации фрагментов в «Альманахе муз» и в книге Женгелле).

¹⁰ Кац Б. А. Одиннадцать вопросов к Пушкину. С. 63.

НЕ

*Музыкальное
Приношение,*

ИЛИ

Allegro affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Каца

Редакторы-составители:
*Александр Долинин, Илья Доронженков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013